

Сергей ВЕРИГИН

г. Петрозаводск

ПРЕДАТЕЛИ

ИЛИ

ЖЕРТВЫ

ВОЙНЫ

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1941–1944 гг.

В любой стране оккупанты, захватив часть чужой территории, стремятся опереться на отдельные слои населения оккупированного государства, его государственные и общественные структуры для осуществления своей политики. Без сотрудничества с местными жителями оккупационная система не может быть дееспособной. В истории почти каждой страны мы находим примеры, когда определенная часть населения захваченной оккупантами территории по собственной инициативе или вопреки своей воле – в силу различных обстоятельств – становилась на путь сотрудничества с оккупантами, измены своей Родине.

Явление сотрудничества с оккупантами получило название коллаборационизм. В словаре иностранных слов понятие «коллаборационизм» объясняется следующим образом: от французского – «Collaboration» – изменник, предатель Родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939 – 1945).¹

В годы Второй мировой войны определенная

часть советских граждан сотрудничала с немецкими оккупационными властями и их союзниками. На территории оккупированной Советской Карелии в 1941–1944 гг. часть населения республики сотрудничала с финскими оккупационными властями.

За послевоенные годы в западных странах по проблеме коллаборационизма в период Второй мировой войны создана обширная историография, свидетельствующая о сложности и противоречивости данного феномена.

В свою очередь советская историография до периода перестройки – середины 1980-х гг. – не рассматривала эту проблему как специальную тему исследования. Советские исследователи, как правило, не использовали и сам термин «коллаборационизм». Перед ними стояла задача всячески скрыть и принизить факты сотрудничества определенной части советских граждан в годы Второй мировой войны с немецкими властями и их союзниками, показать эти факты как частное явление военного периода, не имевшее широкой социальной базы. В советской исторической науке

1950–1970-х гг. обычно использовались следующие определения – «кучка предателей», пособники оккупантов, изменники Родины, антисоветские элементы, власовцы, бандеровцы и др. термины.

Только с периода перестройки в СССР, когда были сняты идеологические запреты на исследование острых вопросов советской истории, когда открылись многие прежде засекреченные архивные документы, появилась возможность более глубокого изучения проблемы коллаборационизма на оккупированной советской территории в годы Второй мировой войны, стал употребляться и сам термин «коллаборационизм» для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом.

Одной из составных частей этой общей проблемы коллаборационизма в годы Второй мировой войны является вопрос о сотрудничестве советских граждан с финскими оккупационными властями на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 гг. До сих пор по этой теме отсутствуют не только монографические исследования, но и статьи, в которых эта проблема рассматривалась бы в качестве специальной темы исследования. Цель данной публикации состоит в том, чтобы восполнить этот пробел в российской историографии и положить начало исследованию данной темы. При этом необходимо ответить на главный вопрос: кем были коллаборационисты – предателями своей Родины, перешедшими в суровый военный период на сторону противника, или они стали жертвами войны и шли на сотрудничество с оккупационными властями, исходя из тяжелых условий существования.

Изучая тему коллаборационизма на материалах Карелии, следует учитывать особенности его проявления в нашей стране. В этой связи, на наш взгляд, прав профессор И. А. Гилязов, говоря о том, что советский коллаборационизм представляется явлением более сложным, многослойным, чем коллаборационизм европейский, что связано, прежде всего, с многонациональным составом населения СССР.² Это утверждение в полной мере относится и к Карелии периода Великой Отечественной войны.

Необходимо учитывать тот факт, что накануне Второй мировой войны в Финляндии существовала социальная и национальная база для проявления коллаборационизма. К 1939 г. в соседней стране проживало свыше 10 тыс. карел, финнов-ингерманландцев и русских, представителей белой эмиграции, бежавших из Советской России в 1918 – 1922 гг., многие из них воевали на сторо-

не финской армии против Красной армии еще в годы Гражданской войны.

База коллаборационизма значительно расширилась в период военных действий между СССР и Финляндией в 1941–1944 гг. В эти годы свыше 200 тысяч советских граждан оказалось в подчинении финских властей. На 9 января 1942 года, по первой переписи, проведенной Военным управлением Восточной Карелии (ВУВК), на оккупированной территории республики проживало 86119 человек, из них: национальное население – 35919, ненациональное – 50200. В дальнейшем эта цифра незначительно менялась в сторону уменьшения. Кроме того, в военный период в финских лагерях оказалось около 67 тысяч советских солдат и офицеров, в 1943–1944 гг. из Ленинградской области и Эстонии в Финляндию было переселено свыше 65 000 финнов-ингерманландцев.

На наш взгляд, можно выделить три основных составляющих коллаборационизма в Карелии в годы Второй мировой войны.

Во-первых, карелы, финны-ингерманландцы, русские и другие представители наиболее ожесточенной части белой эмиграции, бежавшие с территории Советской России в соседнюю Финляндию в 1918–1922 гг. В Финляндии с начала 1920-х годов действовали десятки эмигрантских организаций, в т.ч. карельских и ингерманландских, и они были достаточно популярны в определенных политических кругах соседнего государства. С конца июня 1941 г. – первых дней оккупации северо-западной части СССР, они оказались наиболее рьяными проводниками финской идеологии и главным инструментарием в проведении финской оккупационной политики на территории оккупированной Советской Карелии.

Во-вторых, те советские граждане, которые в период войны оказались на оккупированной территории Карелии или в Финляндии, поверив финской пропаганде, сознательно пошли на сотрудничество с оккупационными властями, преследуя различные цели. К декабрю 1941 года финским войскам удалось оккупировать 2/3 территории Советской Карелии. Финская военная администрация разделила все оставшееся население по национальному признаку на две основные группы: коренное или привилегированное население (карелы, вепсы и др. финно-угорские народы) и некоренное или непривилегированное население (русские, украинцы, белорусы и др.).

Местное финно-угорское население рассматривалось в качестве граждан Великой Финлян-

дии. Все средства пропаганды и агитации (печатать, радио, школьное обучение, церковь и др.) были направлены на то, чтобы подчеркнуть национальное и естественное единство Финляндии и Карелии, привлечь бывших советских граждан финно-угорской национальности к сотрудничеству с финскими оккупационными властями.

В-третьих, это люди, которые обстоятельствами судьбы оказались в одной связке с первой и второй группами. Они оказались в рядах коллаборационистов либо спасая свои жизни и жизни своих близких, либо под принуждением.

Стержнем коллаборационизма являлась первая группа, хотя и она, не взирая на ее откровенный профинский характер, не являлась единой.

По характеру деятельности коллаборационизм условно можно разделить на четыре направления: политическое, экономическое (хозяйственное), культурное и военное.

К политической коллаборации следует отнести всех, кто сотрудничал с финскими оккупационными властями в государственной сфере. Согласно советскому законодательству, это члены различных культурно-просветительных и профессиональных организаций, члены местного административного уровня, работники судебных органов, учреждений пропаганды и агитации, издательств.

Уже в первые дни оккупации в Карелии было создано Военное управление Восточной Карелии (ВУВК), которое привлекало к сотрудничеству местное население. Все руководящие должности как в центральном аппарате ВУВК, так и в районных аппаратах занимались, как правило, финнами – офицерами, чиновниками и пасторами, прибывшими в оккупированные районы Советской Карелии в 1941–1944 гг. из Финляндии. Однако были и исключения. Так, в финансовом отделе ВУВК служил Павел Михайлович Капустин, житель Петрозаводска, до войны работавший в Наркомфине республики.³

Финляндский исследователь Юкка Куломаа отмечает, что местный колорит Военному управлению придавала совещательная комиссия в составе 12 членов, при начальнике ВУВК, составленная из бежавших после революции из Восточной (Российской) Карелии в Финляндию политически благонадежных карел. Задача комиссии заключалась в оказании помощи ВУВК при выработке принципиально важных решений. Никакими полномочиями для самостоятельного принятия решений этот орган, существовавший отдельно от других структур штаба ВУВК, не обладал. На рассмотрение комиссии поступало очень мало воп-

росов, и ее деятельность не оказала существенного влияния на ход событий.⁴

В документах карельских ведомственных архивов эта структура называется советом при ВУВК, при этом подчеркивается, что в его состав вошли карелы, ушедшие из Восточной Карелии в Финляндию в начале 1920-х гг., в большинстве своем участники так называемых «племенных войн». Председателем совета стал Пробус (Проккопий) Рахикайнен, уроженец д. Юшкозеро Калевальского района, бывший организатор восстания в 1921 г. в Ухтинском районе, член президиума Карельского академического общества с 1927 г. Членами совета являлись: Василий Кейняс, уроженец с. Реболы, участник «каравантюры», председатель правления Восточно-Карельского комитета; Микко Карвонен, уроженец с. Кестеньга, участник «каравантюры», член президиума Центрального союза карельских клубов (Керхо); Ласси Кунтиярви (Кундозеров), уроженец с. Оланга Кестеньгского района, организатор восстания в 1921 г. в Кестеньгском районе, секретарь Центрального союза карельских клубов (Керхо); Пауль Ипатти (Игнатьев), уроженец Ребольского района, участник «каравантюры», член правления Союза племенных воинов; Нийло Кирикки (Кириков), уроженец Ругозерского района, участник «каравантюры», член Союза племенных воинов и др.

На низовую административную работу – на должности поселковых комендантов и сельских старост, финны подбирали лиц из числа местного населения. Большинство из тех, кто соглашался на сотрудничество с оккупационными властями, было недовольно существовавшим до войны советским режимом, некоторые участвовали в открытой борьбе против советской власти в период Гражданской войны и эмигрировали в начале 1920-х годов в Финляндию. Часть коллаборационистов была ранее осуждена советскими судами за различные преступления. Но были также и те, кто шел на сотрудничество с оккупационными властями, спасая свою жизнь и жизнь своих родных и близких.

Так, комендантом в деревне Бабыя Губа Калевальского района был назначен Василий Антропович Федоров, уроженец этой деревни, который в 1920 г. участвовал в антисоветских восстаниях на территории района и после их разгрома эмигрировал в Финляндию. В 1941 г. он прибыл в родную деревню в чине прапорщика финской армии. Старостой деревни Панила Ведлозерского района стал Михаил Иванович Кошкин, до войны осужденный советским судом за спекуляцию. На-

чальником Паданской волости Сегозерского района финскими властями был назначен Петр Федорович Савинов (Пека Савинайнен), уроженец деревни Сяргозеро в Карелии, бывший унтер-офицер царской армии, который в период Гражданской войны активно участвовал в антисоветских выступлениях на территории этого района, а после их подавления ушел в Финляндию. Вернулся он в Паданы в 1941 г. вместе с финскими войсками.⁵ Именно такими «кадрами» замещалось большинство должностей старост оккупированных карельских деревень в 1941–1944 гг.

Но были среди старост и те, кто шел на сотрудничество с оккупационными властями, спасая свою жизнь и жизнь своих родных и близких. Будучи старостами, они не преследовали никаких политических мотивов, наоборот, как могли помогали землякам. И это хорошо понимали их односельчане.

Житель с. Шелтозеро Владимир Степанович Яршин вспоминает: «В некоторых деревнях были взяты старосты (*имеются в виду аресты старост органами НКВД после войны. – С. В.*), но все вернулись, потому что их сам народ отстоял. Они были, как говорят, душевные. Был, например, Шишов Александр Михеевич (*староста д. Докучаево. – С. В.*), старик, так он говорил: «Бабки, бабки, работайте спокойно». Ведь финны не любили, чтобы сидели. Вот работаешь все время, чтобы шевелиться. Этот: «Потихоньку, потихоньку, не торопитесь. Работайте вот так, не надрывайтесь». А шелтозерский был (*староста Иван Андреевич Леметти. – С. В.*) – мог и палкой ударить, и оскорбить. После освобождения, может, неделя прошла, всех прощупали, каждый свое сказал. Как он в 1941 г. яму показал, где у нас хлеб был спрятан. А для других никаких оснований не нашли, полмесяца, месяц – и те старики вернулись... с Докучаевской (*А. М. Шишов. – С. В.*), Гамовские (*Николай Иванович Курчатов. – С. В.*), Верховские (*Иван Ефимович Никонов. – С. В.*) старосты все вернулись и прожили свой век».⁶

Многие из старост карельских и вепсских деревень, попавших в зону оккупации, до войны были членами ВКП(б), занимали должности председателей колхозов, являлись депутатами районных и сельских советов. Так, в Заонежском районе Яков Осипович Балагурин, бывший член ВКП(б), стал старостой д. Воробьи, его брат Филипп Осипович Балагурин, также член ВКП(б), был назначен старостой д. Сичи; Петр Данилович Хайдин, бывший председатель колхоза им. 1 Мая, стал старостой д. Кургеницы; бывший председатель колхоза Ми-

хаил Иванович Юдин стал старостой д. Волкостров; бывший председатель колхоза им. Сталина Федор Васильевич Кобецкий являлся старостой д. Падозеро; Михаил Лунин, бывший председатель колхоза «Новый путь», стал старостой д. Вертилово; стал старостой в Заонежском районе и бывший член ВКП(б) Дмитрий Федорович Костин; в Шелтозерском районе старостой д. Розмега был бывший депутат Шелтозерского райсовета и председатель колхоза «Красная звезда» Николай Иванович Изотов; в Олонецком районе старостой стал бывший председатель колхоза и депутат сельсовета Михаил Марков.

16 февраля 1942 г. начальник ВУВК генерал-майор Й. В. Араюри и начальник штаба ВУВК подполковник Эйно Куусела подписали приказ окружным начальникам «В отношении старост», в котором говорилось: «Использование военными властями старост в качестве помощников во многих случаях было очень полезным. С одной стороны, они были доверенными лицами местного населения, с другой стороны, они были проводниками проведения в жизнь указаний военных властей, организаторами и руководителями работ. Там, где удачно выбирали деревенских старост, были хорошие результаты. Так как население Восточной Карелии привыкло, что в каждой деревне есть старший (руководитель) и т.к. система старост показала себя немногочисленным помощником военных властей, считаем необходимым, чтобы систему старост ввели повсеместно».

Далее в постановляющей части приказа руководителей ВУВК отмечалось:

«1. В каждый населенный пункт назначать старост. В старосты назначаются политически надежные и способные исполнять должностные обязанности (трудоспособные) люди из числа местного населения.

2. Старосту деревни назначает начальник местного управления, который также имеет право снять его с должности. Распоряжения отдаются устно. О всех данных распоряжениях начальник местного управления ведет учет (список), из которого усматривается фамилия должностного лица, место действия и дата указания.

3. Задачи старост: контроль (надзор) за местным населением, передача населению различной информации, оказание помощи в поддержании порядка и безопасности, а также передача информации официальным лицам, руководство работами, контроль за выполнением работ, когда военные официальные лица уполномочивали на это старост. Должность старосты следует счи-

тать почетной должностью, за нее не выплачивается зарплата, однако, когда он тратит на выполнение этих задач свое рабочее время, он имеет право из кассы местного управления получить компенсацию за потраченное время в соответствии с распоряжением местного начальника. Окружные начальники должны вышеизложенное довести до начальников местного управления, с тем чтобы старосты знали свое положение и обязанности».⁷

В конце ноября – начале декабря 1942 г. после завершения формирования на оккупированной территории Карелии органов местной власти ВУВК организовало экскурсию старост из Олонецкого, Прионежского, Заонежского, Ведлозерского и других оккупированных районов в Финляндию. Руководителями группы были лейтенант Рубен Левянен, лейтенант Тауно Луоми, прапорщик Маури Лехтинен и военный пастор Уно Э.Аалто. Всего ездили 26 человек. Три члена группы говорили только по-русски, остальные – на карельских диалектах. Они встречались с главнокомандующим финской армии К.Маннергеймом и президентом страны Р.Рюти. Карельские старосты посетили ряд заводов и организаций Хельсинки и других финских городов.⁸

Подробный отчет о поездке старост оккупированных районов Карелии в Финляндию имеется в материалах Военного архива Финляндии. В нем говорится, что утром 26 ноября 1942 г. группу старост приняли второй заместитель председателя парламента М.Таркканен и секретарь Е.Х.Й.Тайнио. Таркканен, выступая перед гостями, заявил: «Депутаты парламента счастливы видеть в своей среде соплеменников», – и пожелал им успехов в работе. «Надеемся, что сможем помочь вам, восточным карелам, дать свободу и помочь вам поднять уровень жизни на уровень Финляндии». Старший группы в ответном слове рассказал о тяжелых условиях жизни карел при большевиках и поблагодарил финнов, их Вооруженные силы и маршала Маннергейма за освобождение Карелии.

В 17 часов этого же дня в АО «Вако» участникам группы предложили обед, на котором были также представители соплеменных организаций: Карельского академического общества (АКС), женщин АКС, Suomelaisuuden Liitto, Heimotyöseura, Карельского просветительского общества, Центрального совета карельских обществ, Rajaseudun Ystävät, Rajaseutuyhdistys, Seniores Carelienses ja Karjalainen Osakunta. Выступающий в качестве хозяина приема лейтенант Кирвес рассказал об основании АО «Вако», о работе АО в организации

торговли среди карел, а также пожелал членам группы счастья.

В понедельник 30 ноября 1942 г. в Карельском землячестве состоялся вечер соплеменников, хозяевами выступили представители соплеменных организаций, всего было около 70-80 членов организации, в том числе свыше 10 карел, проживавших в Финляндии, нашли лиц, знавших русский язык, которые помогали трем членам группы, говорившим только по-русски. Остальные члены группы не нуждались в переводе.

3 декабря 1942 г. группа карельских старост познакомилась со стадионом Хельсинки, побывала на Юлейсрадио, где лейтенант Рубен Левянен, пастор Уно Аалто и 7 членов группы дали интервью. Вечером этого дня состоялся прием делегации в Хельсинкской консерватории. В день отъезда 4 декабря 1942 г. членам группы АО Хухтамяки подарило подарки – карамель. ...Один из членов группы, вепс, в своей пламенной речи поблагодарил хельсинкского гида Киннунена за проявленную заботу. Далее выступающий рассказал о том, как он в начале Зимней войны участвовал в кампании «рюсся» по освобождению проживающих в нищете финских рабочих и крестьян. «Однако все было наоборот. Уже на границе мы смогли убедиться, что финны находятся на более высоком культурном уровне во всех сферах, никто не протянул нам руку со словами: «Добро пожаловать».

В материалах Военного архива Финляндии не указывается фамилия этого вепса. Однако в рассекреченных материалах архива Управления безопасности РФ по РК, к которым в 1990-е г. получили доступ исследователи, также имеются материалы об этой поездке и дается состав группы карельских старост. Среди них был вепс по национальности, староста деревни Горнее Шелтозеро Шелтозерского района Дмитрий Тучин. На наш взгляд, выступающим с пламенными речами в поддержку оккупационного режима в Карелии и был Дмитрий Тучин, который, как известно, сотрудничал с советской разведкой и у себя в доме несколько месяцев скрывал разведчиков, заброшенных в Шелтозерский район.

Кроме Д. Е. Тучина, архивные материалы УФСБ РФ по РК называют и других старост из Шелтозерского района, среди них: Николай Иванович Изотов, Никита Иванович Кабаков, Михаил Филиппович Бамшин; в составе группы были также старосты из Олонецкого, Прионежского, Заонежского, Ведлозерского и других оккупированных районов республики.

К хозяйственной коллаборации следует отнес-

ти работу в пользу противника на оккупированных территориях в сфере промышленности, торговли и сельского хозяйства, труд «невольных, вынужденных» коллаборационистов, угнанных в Финляндию. Так, в период финской оккупации Карелии несколько крупных торговых сетей Финляндии образовали акционерное общество «Вако», имевшее монополию на торговую деятельность в Карелии. Первый магазин был открыт в селе Видлица, а позднее торговая сеть охватила всю Карелию. Обслуживающего персонала для магазинов, пекарен, мельниц и кафе «Вако» не хватало, поэтому в качестве рабочей силы использовалось местное население, которое выполняло функции кладовщиков и продавцов. Для некоторых из них в Петрозаводске были организованы специальные курсы. В 1941 г. на работе в этой компании были заняты 374 карела и 233 русских, а в 1944 г. цифры возросли до 473 и 297 человек соответственно.⁹

Местное население в период оккупации работало также на предприятиях, в различных организациях и учреждениях Петрозаводска. Например, в 1942 г. на Соломенской ГЭС Петрозаводска из 300 работавших местных жителей насчитывалось около 100 человек. Большинство из них были карелами и вепсами по национальности, приехавшими в город из оккупированных районов республики.¹⁰

Некоторые из них пытались открыть «свой частный бизнес». Так, в материалах 4-го отдела НКВД КФСР о положении в оккупированном Петрозаводске за июнь 1942 г. отмечается, что в городе открыты две парикмахерские, которые содержит Мореходов, уроженец деревни Леликово Заонежского района.

Финские оккупационные власти активно поощряли хозяйственную коллаборацию. Так, с 1942 г. ВУВК проводило вербовку женщин финно-угорских национальностей Восточной Карелии на временную работу в Финляндию. Оккупационные власти подчеркивали важность этой работы, ссылаясь, в частности, на то, что опыт жизни в Финляндии будет способствовать распространению финляндских норм и ценностей среди населения Карелии. В одном из документов говорилось: «Военное управление Восточной Карелии наметило в течение начавшейся зимы для группы молодых восточно-карельских женщин создать возможность поработать в Финляндии в качестве домработниц в приличных сельских домах и, таким образом, на практике познакомиться с тем, как ухаживать за домом и вести хозяйство... Знакомство с условиями жизни в Финляндии и

распространение об этом реальных сведений после возвращения людей домой было бы хорошей пропагандой в пользу Финляндии».¹¹

Можно привести примеры и культурной коллаборации на оккупированной территории Карелии. Она выразилась прежде всего в том, что оккупационные власти в военный период предпринимали попытки создать надежные кадры учителей из представителей финно-угорских народов Карелии, открывая для этого различные курсы переподготовки учителей.

Особую группу составляли учителя, работавшие в школах в советское время. Их направляли для обучения в Финляндию, полагая, что путем краткосрочных курсов удастся вытравить из них коммунистическое мировоззрение. Так, в конце 1941 г. финские власти стали собирать в Петрозаводске бывших советских учителей, в большинстве своем карел и вепсов, со всей оккупированной территории Карелии. В декабре 1941 г. они были направлены в Финляндию в учительский лагерь Миеслахти вблизи Каяни. Всего пришло 59 женщин и 13 мужчин. Преподавателями этого учительского лагеря стали откомандированные Военным управлением Восточной Карелии офицеры, педагоги по специальности. Кроме того, в качестве преподавателей выступали учителя г. Каяни и Сортавальской семинарии, эвакуированной в Каяни. Начальником курсов был назначен лейтенант (доктор) М. Коскиниemi. После окончания курсов бывшие советские учителя вернулись обратно на оккупированную территорию Карелии для работы в народных школах.

Преподавательские курсы в Миеслахти, в которых проходили переподготовку советские учителя, затем перевели в народное училище Ямса, где они действовали с осени 1942 г. до конца летних курсов 1943 г. Осенью 1943 г. курсы перевели в семинарию Раума. Количество преподавателей (курсантов) постоянно увеличивалось. На весенних курсах 1944 г. училось 100 преподавателей. Во время эвакуации финнов из Восточной Карелии учителя были на каникулах дома (*имеется в виду территория Восточной Карелии. – С. В.*), в Финляндию уехали только 40 человек.¹²

С 1942 г. Военное управление Восточной Карелии развернуло кампанию по вербовке женщин из «родственных» национальностей на различные учительские и религиозные курсы. Оккупационные власти отмечали значение этих курсов, ссылаясь на идеологические мотивы: «В течение февраля – мая с. г. в нескольких религиозных народных училищах Финляндии обучалось примерно 60 девушек из Восточной Карелии. Помимо

того что эти курсы оказали большое воспитательное влияние на указанных лиц, нами установлено, что, возвратившись в родные места, они проводили значительную пропагандистскую работу в пользу Финляндии. И таким образом, учеба принесла пользу финнизации Восточной Карелии». ¹³

Подобные поездки приносили определенный идеологический результат. Многие девушки из Карелии действительно возвращались на родину с профинскими настроениями. Об этом свидетельствуют и архивные документы. Так, осенью 1944 г., после освобождения Шелтозерского района, начальник Шелтозерского районного отделения НКГБ Демкин в отчете о последствиях финской пропаганды писал: «Финны особенно стремились проводить работу среди вепсской молодежи. Для нее были созданы всякого рода кружки. Но эти кружки были только ширмой. Немало молодежи ездило в Финляндию, где они еще больше подвергались обработке против советской власти. Выступали в газетах со статьями, что финны – наши кровные братья-освободители. Были учителя-комсомольцы, но они попали под влияние и стали на путь пособников финнов. Две молодые девушки ездили в Финляндию и после своей поездки написали статью в оккупационную газету «Северное слово» о своей поездке в Финляндию. Статья была написана против Советского Союза». А. Громова, учившаяся на учительских курсах в Финляндии в 1942–1943 гг., вспоминала, что лишь немногие девушки с курсов остались в Карелии, когда стало ясно, что Финляндия проигрывает войну.

С другой стороны, из архивных документов следует, что ряд бывших советских учителей направлялся на подобные курсы насильственно, помимо воли. Так, жительница с. Розмега Шелтозерского района Анна Лебедева передала разведчикам информацию о том, что в марте 1942 г. на курсы в Финляндию для переподготовки учителей из Шелтозерского района были насильственно отправлены учительницы Ксения Ефимовна Педина и Анастасия Матвеевна Бошакова. Об этих же курсах рассказала разведчикам 13 июня 1943 г. Мария Варламовна Дерягина, работавшая в оккупированном Петрозаводске воспитательницей детского сада: «В конце 1941 г. со всей оккупированной территории финны начали собирать в Петрозаводске учителей для их переподготовки. Многие учителя не хотели ехать добровольно, но финны весной 1942 г. насильно увезли их на курсы в Финляндию».

К сфере коллаборационизма следует, по-види-

мому, отнести и браки между представителями местного населения Карелии и оккупантами. Известный финский историк А. Лайне в книге «Два лица Великой Финляндии. Положение гражданского населения Восточной Карелии при финском оккупационном режиме, 1941–1944» отмечает: «Большая часть документов, касающихся браков, была утрачена во время отступления из Карелии. Отчеты свидетельствуют, что в 1942 г. было заключено 47 браков, в 1943 г. – 238, на 1944 г. данные отсутствуют, но их количество, очевидно, было значительным, поскольку все время оккупации число браков росло». ¹⁴

А. Лайне объясняет браки местных жителей Карелии с оккупантами следующим образом: «Безусловно значимым фактором в увеличении количества заключаемых браков стали преимущества, получаемые при вступлении в брак с представителями того или иного народа. Если один из супругов был представителем финно-угорского народа или один из супругов, принадлежащий к финно-угорскому народу, заключал брак с финном, то «вторая половина» автоматически получала льготы, в частности продовольственные или товарные карточки. Особенно престижным считалось заключение брака с представителями финского народа, ведь это означало получение гражданства Финляндии и, естественно, привилегированного положения в обществе: это был типичный для оккупированной Карелии брак военного времени».

Судя по опубликованным в 2007 г. в сборнике «Устная история в Карелии. Выпуск III. Финская оккупация Карелии (1941–1944)» воспоминаниям людей, переживших финскую оккупацию, контакты между финскими военными и местными женщинами не были редким явлением, особенно в национальных районах. Однако надо иметь в виду, что во время войны и сразу после нее подобные контакты воспринимались подавляющим большинством советских граждан крайне негативно, как своего рода предательство. Часто это приводило к трагедиям.

Так, жительница с. Шелтозеро вепсянка Валентина Ефимовна Кемлякова (1927 г. р.) вспоминает: «Даже один случай был – мы были на лесозаготовках уже после того как война окончилась, и с нами работала одна девушка, которая оказалась в положении от финна. И, в конце концов, родила от финна ребенка, мальчика. Ее забрали потом в тюрьму, восемь лет дали. Она убила ребенка. Родила, задушила и положила на улицу под туалетом. Мы нашли, на суд нас отвезли – не рассказать». Другой житель с. Шелтозеро Владимир

Степанович Яршин (1929 г. р.) на вопрос «А девушки от финнов рожали?» ответил: «Ну, это на всю округу, если два, три случая было на моей памяти. И то старались, если могли, как наши пришли, делать аборт, прятали детей. Я вот три случая знаю, пострадали эти девки, аборт были строжайше запрещены».¹⁵

Местные полицейские и охранные батальоны, сотрудники военных и полицейских органов и формирования составили военную коллаборацию. В период 1939 – 1944 гг. финские власти по инициативе, в первую очередь военной разведки и националистов, сформировали ряд воинских подразделений по национальному признаку: тюркские, эстонские и другие. Для ведения боевых действий на Северо-Западе СССР финская сторона особое внимание придавала привлечению в свою армию карелов и финнов-ингерманландцев, что должно было придать процессу завоевания Восточной Карелии, по мнению финского командования, печать освободительной борьбы финно-угорских народов от власти большевиков.

Как правило, они служили в «Отделении К» (Osasto K) или бригаде Кууссари (Prakaati Kuussari) под командованием подполковника Э.Кууссари, в 4-м разведывательно-диверсионном батальоне (4 erillinen pataljoona), 6-м отдельном батальоне – соплеменников (6 erillinen heimopataljoona). Численность их была различной. Так, в 6-м батальоне служили 2500 финнов-ингерманландцев.

Еще до начала военных действий Финляндии против СССР приказом от 23 июня 1941 г. Маннергейм объявил о мобилизации проживавших в Финляндии ингерманландцев, олонечских и беломорских карелов, а также финнов – участников так называемых «племенных войн». Так были сформированы Беломорский (Виэнан) и Олонечский (Аунуксен) родственные батальоны. Вместе с некоторыми другими подразделениями они вошли в состав Олонечской оборонительной бригады.¹⁶

В октябре 1942 г. Олонечская бригада была расформирована и из ее состава выделили батальон, состоявший преимущественно из карелов. Его переименовали в 3-й родственный батальон «Хеймо» (братский батальон). В состав батальона были включены также представители местного финно-угорского населения из числа военнопленных.

По мнению финского командования, 3-й родственный батальон должен был воевать за освобождение «соплеменников», вдохновлять жи-

телей Карелии на борьбу против СССР или хотя бы расположить местное население к финской армии. Как отмечает финский исследователь Хельге Сеппяля, численность его была по одним данным 1070 человек, по другим – 1115 человек, из которых 837 служили в Красной армии. По советским законам, бойцов батальона считали предателями, и всех их ждала смертная казнь или длительные сроки заключения.¹⁷

По архивным документам, хранящимся в архиве управления федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (архив УФСБ РФ по РК), следует, что общая численность батальона составляла 1100-1200 человек. Батальон имел в своем составе 3 стрелковые роты, каждая численностью около 200 человек, пулеметную и минометную роты, штабную роту, взвод связи и специальную запасную роту численностью до 100 человек.¹⁸

Интересные данные о 3-м хеймобатальоне представлены в Национальном архиве Республики Карелия (фонд 804 «Военное управление Восточной Карелии»). К сожалению, до последнего времени эти материалы, представленные в основном на финском языке, не исследовались ни российскими, ни финляндскими историками и не введены в научный оборот.

Из них, в частности, следует, что добровольцы 3-го хеймобатальона, бывшие советские граждане финно-угорских национальностей, получали ежемесячную зарплату. Расценки были следующие: помощник командира батальона – 1400 финских марок; помощник командира роты и командир взвода – 1000 марок; зам. командира взвода – 600 марок; рядовой состав – 600 марок. Приказом министра обороны Финляндии родственникам добровольцев 3-го хеймобатальона, начиная с 1 февраля 1943 г., также выплачивалась ежемесячная зарплата: ее получали жены добровольцев и их дети до 16 лет включительно. Зарплата увеличивалась, если детей было больше одного: на второго ребенка доплачивалось 200 финских марок, на последующих – по 150.¹⁹

Кроме того, нетрудоспособные родители и родственники добровольцев 3-го хеймобатальона, находившиеся на их иждивении, ежемесячно получали денежное пособие (huoltorahat) в размере 250 финских марок. Так, например, в марте 1943 г. ВУВК положительно отреагировало на заявление солдата Ристо (Григория) Леппоева о выплате его бабушке Марии Лепповой, проживавшей в Петрозаводске на ул. Неглинской, ежемесячного пособия. Финансовый отдел ВУВК,

производивший данные выплаты, был завален заявлениями о выплате пособий.

Хотя в батальон отбирали людей, заслуживавших доверия финских властей, их надежность проверялась в особом лагере Ахонлахти (район г. Савонлинна), где служба безопасности внедрила в батальон своих людей. Уже там выявилось несколько офицеров, которые намеревались перейти на советскую сторону или уйти в партизаны в тылу финнов. Их отправили обратно в лагерь для военнопленных.

В течение 4-х месяцев (с ноября 1942 по февраль 1943 г.) личный состав батальона занимался строевой, боевой и тактической подготовкой. Все участники батальона подписывали обязательства добровольцев следующего содержания: «Я (фамилия, имя, отчество), добровольно вступая в финскую армию, обязуюсь честно и добросовестно служить финскому правительству в его борьбе против советской власти и большевизма. За нарушения дисциплины буду привлечен к ответственности».²⁰

В начале мая 1943 г. 3-й родственный батальон был переодет в форму финской армии (до этого форма была смешанной – английская и финская старого образца), переброшен на Карельский перешеек и через три недели отправлен на передовую. Следует отметить, что финское командование постоянно испытывало недоверие к бойцам батальона, поскольку нередкими были случаи перехода солдат на сторону Красной армии, побегов за линию фронта.

24 сентября 1943 г. батальон был переведен с передовой линии фронта в тыл, переукомплектован и использовался на строительстве оборонительных сооружений и заготовке леса в районе Термолово. Но 22 мая 1944 г. вновь был выдвинут на передний край финской обороны в районе Охты, юго-западнее озера Лемболово. Летом 1944 г. батальон принимал активное участие в боевых действиях, отступая с боями до Вуокса-Сувантовской водной системы. За хорошую службу и упорство в боях батальон был переименован в 3-й отдельный героический добровольческий батальон, 22 человека из его состава были награждены медалью «Свобода». К началу августа 1944 г. батальон, понесший в боях с частями Красной армии тяжелые потери, получил пополнение за счет новых вербовок в лагерях военнопленных и передан в оперативное подчинение командиру 2-й пехотной дивизии финской армии.

В конце войны с Финляндией 29 августа 1944 г. в лесу юго-западнее Тарпила на Карельском перешейке были обнаружены зарытые в землю и

замаскированные дерном два ящика с документами штаба 3-го родственного батальона. В руки советского командования попали практически все списки офицерского и рядового состава. Эти документы, а также показания арестованных бойцов стали впоследствии основанием для поиска и возвращения в СССР тех, кто воевал в составе 3-го родственного батальона.

После заключения перемирия между СССР и Финляндией 19 сентября 1944 г. командование финской армии направило 3-й братский батальон на север Финляндии, где он должен был принять участие в изгнании находившихся там немецких войск. Однако в боях с немцами батальон использован не был, поскольку по требованию советских властей был возвращен в Выборг и затем бойцов батальона отправили в СССР.

Союзная контрольная комиссия, прибыв после перемирия осенью 1944 г. в Финляндию, приступила к сбору уехавших из Советского Союза карелов и ингерманландцев для отправки их на родину. Это возвращение превратилось в большую и длительную операцию – с 1944 по 1953 г. Всего СССР было передано около 2 тыс. человек. Только небольшая часть при помощи финской разведки бежала в Швецию.

Трагично сложилась судьба этих людей на родине. Финнов-ингерманландцев, которые служили в 6-м батальоне, после передачи в СССР осудили по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР (измена родине) к 10-25 годам лишения свободы. Такая же участь постигла и бойцов-карелов из 3-го «родственного батальона». После отбывания наказания оставшиеся в живых вернулись на места своего прежнего проживания, в том числе и в Карелию.

Составной частью военной коллаборации являлось сотрудничество части советских военнослужащих с финскими оккупационными властями в сфере разведки. В оккупированном Петрозаводске финны создали Петрозаводскую школу финской разведки. Она действовала под прикрытием «Северного отделения Русской освободительной армии (РОА)». В 1942 г. школа была переведена из Петрозаводска в населенные пункты Пряжинского района, расположенные на западном берегу озера Шотозеро: деревни Улялега, Кюрьяла, Минола и Каменный Наволок.

Командный состав школы в основном был укомплектован из советских военнопленных, хотя ключевые должности в разведшколе занимали финны. Руководителем разведшколы являлся капитан финской армии Музика, он же Карпела. Настоящая фамилия – Борис Карпов. По нацио-

нальности карел, уроженец д. Святнаволок Кондопожского района Карелии. Вместе с отцом, участником антисоветских восстаний начала 1920-х гг., бежал в Финляндию. До войны учился на медицинском факультете Хельсинкского университета. Владел русским, финским и немецким языками.

Личным адъютантом Карпова стал его двоюродный брат Иван Карпов, красноармеец, перешедший на сторону финнов на Свирском участке фронта. Он был уроженцем деревни Сопоха Кондопожского района Советской Карелии.

Из числа преподавателей Петрозаводской разведшколы следует выделить бывшего майора Красной армии, командира 1-го разведполка Северного отделения «РОА» (армии Власова) Александра Владимировича Владиславлева (псевдоним – Владимиров). Должности других преподавателей занимали бывшие капитаны и лейтенанты Красной армии.²¹

В качестве слушателей Петрозаводской разведшколы финской разведки выступали советские военнопленные, вставшие на путь сотрудничества с финскими оккупационными властями.

В сентябре 1943 г. был проведен первый выпуск разведчиков-радиостов в количестве 30 человек. Часть из них была заброшена в тыл Красной армии. Выпуск разведчиков был замаскирован и проводился под видом выпуска школы офицеров РОА. На выпуске была зачитана телеграмма генерала Власова, который «приветствовал новое пополнение офицеров РОА».

Составной частью военной коллаборации следует считать службу советских граждан в органах финской полиции. Судя по архивным источникам, почерпнутым нами из фондов карельских ведомственных архивов (Архив УФСБ РФ по РК и Архив МВД РК), таких тоже было немало.

Так, Адольф (Михаил) Карху, помощник оперуполномоченного КРО НКВД КФССР, в 1941 г. в составе разведывательной группы 1-го отдела НКВД КФССР с оперативным заданием был направлен в тыл финских войск. Добровольно перешел на сторону финнов и на следствии выдал полиции все известные ему сведения о работе органов НКВД КФССР. Дал согласие работать переводчиком военной полиции Петрозаводска. В период работы в полиции окончил Петрозаводскую школу финской разведки и ходил по ее заданию в советский тыл на медвежьегорском направлении. В конце войны при отходе финнов ушел в Финляндию.²²

Бывший педагог Петрозаводского педучилища Аапо Петрилайнен стал сотрудничать с финскими властями, работал переводчиком военной полиции

Петрозаводска, был награжден финским орденом. По заданию финской разведки забрасывался на территорию Пудожского района. Вместе с отступающей финской армией в 1944 г. ушел в Финляндию. В органах военной полиции служил Александр Константинович Дятлов, до войны работавший бухгалтером-ревизором Карелфинпотребсоюза.²³

Среди тех, кто пошел на сотрудничество с финской разведкой в военный период, были и сотрудники советской разведки. Так, Семен Шувалов, бывший сотрудник 3-го спецотдела НКВД КФССР, старший лейтенант госбезопасности, член ВКП(б), являлся командиром партизанского отряда, заброшенного в тыл финских войск. Осенью 1943 г. добровольно перешел на сторону противника. Шувалов предоставил финнам подробные материалы о работе НКВД КФССР, структуре органов, сотрудниках карельской контрразведки, сведения о партизанских отрядах, действующих на Карельском фронте. Выдал финнам ряд агентов НКГБ КФССР, оставленных в Петрозаводске для выполнения заданий советской разведки.²⁴

Длительное время категория лиц, сотрудничавших с финским оккупационным режимом и воевавших в составе финских войск против Красной армии, а после войны проживавших в СССР, считалась предателями своей Родины и находилась в забвении. Однако в 1990-е гг. на территории постсоветского пространства отмечается объединение участников Второй мировой войны, воевавших на стороне фашистской Германии и ее союзников.

Финляндское государство признало заслуги ветеранов-иностранцев в защите своей страны, в связи с чем предоставило им льготы ветеранов войны, оказывает им материальную помощь, способствует их переезду на жительство в Финляндию, наградило многих из них правительственными наградами.

В 1996 г. в Финляндии бывшие соотечественники (финны-ингерманландцы и карелы), воевавшие в частях финской армии против Красной армии, создали «Общество ингерманландских и карельских ветеранов-соплеменников» (Inkerilaiset ja karjalaiset heimoveteraanit ry). «Общество» занимается поиском ветеранов-соплеменников, оказывает им помощь в отдыхе и лечении, приглашает их из-за границы в Финляндию.

Для освещения своей деятельности «Общество» издает журнал «Kivekäs», который выходит два раза в год. В нем рассказывается о ветеранах-соплеменниках, об их участии в войнах против СССР в период 1939-1944 гг., печатаются фотографии, публикуются некрологи.²⁵

Если для Финляндии ветераны-соплеменники

являются героями, финское правительство окружает их почетом и вниманием, то для большинства населения России они остаются предателями своего народа, которые в трудный для страны период воевали на стороне противника.

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что проявление коллаборационизма среди советских граждан и советских военнопленных на оккупированной территории Советской Карелии и в Финляндии в период Великой Отечественной войны было незначительным явлением. Это ярко проявилось на заключительном этапе военных действий на Севере, когда в ходе наступления советских войск летом 1944 г. началось отступление финских воинских частей, а вместе с ним и эвакуация местных жителей.

С оккупированной территории Карелии в Финляндию эвакуировалось 2799 человек, или только 3,35 % всего населения зоны оккупации, из них представителей родственных финнам народов – 2196 человек (1422 карела, 314 вепсов, 214 финнов, 176 ингерманландцев, прочих – 70), других народов – 603 (244 русских, 259 украинцев, прочих – 100).²⁶ Есть данные и по Петрозаводску. Когда в конце июня 1944 г. финские войска покидали город, с ними ушли только 487 человек из 7589 свободных жителей.²⁷

Цифры показывают, что количество людей, переселившихся в Финляндию, было незначительным. Местные жители, несмотря на массивную националистическую пропаганду, остались верны своей родине и не захотели переезжать в чужую страну, тем более такую, которая находилась на грани военного поражения. Следует иметь в виду и то, что у многих жителей оккупированных финнами районов Карелии в рядах Красной армии сражались отцы, мужья, братья, сыновья, которых ждали домой после окончания войны.

Но для некоторой части советского населения эвакуация была неизбежной: для тех, кто находился на службе у финских оккупационных властей и боялся привлечения к суду за предательство; для женщин, состоявших в браке с финнами, и мужчин, ушедших в родственные батальоны.

В целом можно отметить, что национальная политика финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 гг., направленная на разделение населения по национальному признаку (на финно-угорское и русское), не принесла желаемых результатов, привлечь на свою сторону советских карел, вепсов, финнов не удалось. Более того, те, кого пришли освобождать от «русской неволи», сами с оружием в руках вместе с русским

и другими народами Советского Союза отстаивали независимость своей страны.

Проблема коллаборационизма в Карелии и Финляндии в годы Второй мировой войны только сейчас становится объектом научного интереса российских историков. Предстоит выяснить еще много вопросов: уточнить точное число советских граждан, сотрудничавших с финскими оккупационными властями в годы Второй мировой войны, определить причины этого явления и его социальную базу. При исследовании данного вопроса следует также выяснить, насколько адекватны были репрессии финских властей к своим гражданам, которые сотрудничали с советскими государственными и военными органами в период Зимней войны и репрессии советских властей в 1941–1944 гг. по отношению к тем, кого считали коллаборационистами: в первую очередь к бывшим военнопленным и репатриантам, проживавшим и работавшим на оккупированной территории Карелии, а затем вывезенных в Финляндию.

Но уже сейчас на основе анализа большого количества документального материала о сотрудничестве местного населения Карелии с оккупационными властями в период Второй мировой войны можно ответить на главный вопрос, поставленный в начале статьи: кем были коллаборационисты – предателями своей страны или жертвами войны. На наш взгляд, нельзя оправдать военную коллаборацию. Тех советских граждан, которые перешли на сторону противника и с оружием в руках воевали против своей Родины, можно с полным основанием отнести к предателям. При этом среди них было мало идейных борцов, большинство коллаборационистов переходили на сторону противника либо спасая свои жизни, либо под принуждением.

Поведение тех советских граждан, которые пошли на сотрудничество с оккупационными властями в сфере хозяйственной или культурной деятельности в военный период, можно если не оправдать, то, по крайней мере, понять. Большинство из них оказались на оккупированной территории помимо своей воли в силу суровых военных обстоятельств, а часто по вине и нераστοпности собственных органов власти и управления, не решивших вопрос об эвакуации населения в начальный период войны. Их с полным основанием можно отнести к жертвам войны. Долгие годы после ее окончания на них лежала «печать оккупации и плена».

Примечания

- 1 Современный словарь иностранных слов. М., 1999. С.287.
- 2 Гилязов И.А. На другой стороне. (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны). Казань, 1998. С.121.
- 3 Архив Управления федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (далее – Архив УФСБ РФ по РК), ФСДП, оп.1, д.117, л.54-55.
- 4 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск, 2006. С. 44.
- 5 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп.1, д.117, л.53, 54.
- 6 Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941–1944) / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. С. 89.
- 7 Halltsto/AunPE. T 2872/14. SA.
- 8 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп.1, д.117, л.63-64.
- 9 Осипов А.Ю. Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии. //Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Вып.3. Финская оккупация Карелии (1941–1944) /науч. ред. А.В.Голубев, А.Ю.Осипов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. – С.25.
- 10 Архив УФСБ РФ по РК, ф.6, д. №11,ч.4, л.161.
- 11 По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С.292.
- 12 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviilivä estön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941–1944. Helsinki: Keuruu, 1982. S. 198.
- 13 По обе стороны Карельского фронта. С. 288.
- 14 Цит. по: Лайне А. Браки между финнами и населением оккупированной Карелии // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 19.
- 15 Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Вып.3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). С. 91.
- 16 Архив УФСБ РФ по РК, ф.35, п./ф.20, оп.1, д.117, л.88.
- 17 Сеппеля Х. Финляндия как оккупант. /Х.Сеппеля. // Север. 1995. №6. – С.120.
- 18 Архив УФСБ РФ по РК, ФДОУ, д.23, л.102.
- 19 НА РК, ф. 804, оп. 1, д. 8, л. 25.
- 20 Архив УФСБ РФ по РК, ФДОУ, д.23, л.102 об.
- 21 Там же, ф.КРО, оп.1, д.95, л.18-19.
- 22 Там же, л. 126.
- 23 Там же, ф. 6, литер. дело № 11, т. 4, л. 210.
- 24 Там же, ф.КРО, оп. 1, д. 95, л. 126.
- 25 Kivekas. 2001. №1, №2 и др.
- 26 Сеппеля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах. С. 126.
- 27 Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2005. С. 61.

□

Сергей Геннадьевич ВЕРИГИН

родился в 1956 году.

Историк,

декан исторического факультета

Петрозаводского государственного университета.

Автор 4 монографий и более 150 научных работ.

В «Севере» публикуется с 1993 года.

Сфера научных интересов – советско (российско) - финляндские отношения

в период Второй мировой войны,

Европейский Север России

в годы Великой Отечественной войны.

Живет в Петрозаводске.

